

Vance C.S. Pleasure and danger: exploring female sexuality. – Boston (MA): Routledge & Kegan Paul, 1984. – XX, 462 p.

УДК 316.77

2020.04.003. ЕВСЕЕВА Я.В. ИНТИМНОСТЬ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА. (Обзор).

EVSEEVA Ya.V. Intimacy in the times of the Internet. (Review). DOI: 10.31249/rsoc/2020.04.03

Аннотация. В обзоре рассматриваются некоторые проблемы интимности в социальных сетях: поддержание дружеских и построение новых романтических отношений; взаимодействия онлайн как способ накопления социального капитала; селфи как образ себя.

Abstract. The review considers some issues of intimacy in social media: maintaining friendships and building new romantic relationships; online interactions as a means of accumulating social capital; a selfie as an image of self.

Ключевые слова: интимность; приватное; публичное; социальные сети; «Фейсбук»; социальный капитал; романтические отношения; дружба; селфи.

Keywords: intimacy; private; public; social media; Facebook; social capital; romantic relationships; friendship; selfie.

В цифровую эпоху меняется то, как люди реализуют себя в публичном пространстве и строят отношения с другими, как они в принципе понимают приватное и публичное и выстраивают границы между этими сферами. Авторы работ, послуживших основой данного обзора, анализируют эти и другие вопросы, связанные с интимностью в Интернете и, шире, – во времена Интернета.

Кристина Мигель (Бизнес-школа Университета Лидса, Великобритания) в своей книге, посвященной личным отношениям индивидов в современных обществах [Miguel, 2018], исследует широкий спектр проблем, связанных с интимностью, делая особый акцент на знакомствах в социальных сетях, т.е. завязывании новых взаимоотношений. Свой анализ она начинает с рассмотрения феномена сетевой культуры (network(ed) culture). По М. Кастельсу, то, как мы строим, поддерживаем, видоизменяем или разрываем социальные отношения, в конце прошлого столетия обрело новую

форму, что получило название сетевого общества (*network society*) [Castells, 2004]. Предтечами Интернета Кастельс и другие авторы считают: 1) традиции техноэлит – ученых и новаторов (обмен знаниями, рецензирование, академическая репутация); 2) культуру хакеров (движение за открытый исходный код); 3) виртуальные коммуны – контркультуры Сан-Франциско; 4) проекты предпринимателей Кремниевой долины. С рождением Всемирной паутины в 1990-е годы в социальных и гуманитарных науках – социологии, антропологии, лингвистике, литературоведении – и в исследованиях медиа и коммуникаций началось изучение виртуальных социальных взаимодействий. В то время активно обсуждались вопросы, связанные с киберпространством, феноменом киборгов, противопоставлением реального и виртуального. Д. Харауэй и другие феминистские авторы видели в Интернете средство нейтрализации гендерных различий и, соответственно, освобождения женщин [см.: Haraway, 1997]. В последние годы с киберкультуры интерес сместился в сторону повседневных практик пользователей. Реальное и виртуальное более не противопоставлены друг другу, а, как представляется, образуют скорее своего рода гибрид, что находит свое отражение в неологизмах вроде *onlife* («жизнь онлайн»), *being-as-mediated* («медиабытие»), *lifestreaming* («стриминг жизни») и др.

Очевидно, что в подобных условиях меняются как представления об интимности, так и ее практики. Согласно ряду исследователей, в частности З. Бауману [Bauman, 2003], в современном гипериндивидуалистическом обществе люди испытывают амбивалентное стремление к свободе, с одной стороны, и к социальным узам – с другой, что заставляет их желать «жить вместе, но порознь» (*living apart together*). Формируется новая социальная структура: в противовес традиционным локальным сообществам, в Интернете индивиды объединяются в сообщества не только и не столько по географическому принципу. Социальные сети позволяют людям самовыражаться, а также способствуют построению и поддержанию различных типов взаимоотношений. При этом в процессе пользования Интернетом у людей вырабатывается привычка определять себя через то, что они способны продемонстрировать другим пользователям. Таким образом, ставится под сомнение традиционное убеждение в необходимости приватности для рождения

чего-то интимного. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что в применении к социальным сетям уже невозможно говорить об интимности как таковой и речь должна идти о каком-то ином явлении [Miguel, 2018, p. 7]. По утверждению других ученых, технологии, лежащие в основе социальных сетей, отнюдь не нейтральны – на самом деле они фактически принуждают пользователей к раскрытию своей личности и частной информации [ibid.]. Личная информация индивидов используется интернет-платформами в том числе в коммерческих целях. В связи с этим, по мнению ряда исследователей, важно изучать не только повседневные практики пользователей и производимый ими контент, но и социотехнические черты интернет-ресурсов и бизнес-модели, на которые они опираются [см., например: Van Dijck, 2009].

По итогам проведенного эмпирического исследования (интервью с британскими и испанскими респондентами обоего пола 25–49 лет, активными пользователями сайтов Vadoo, CouchSurfing и Facebook) Мигель обсуждает вопрос о том, в какой мере интимность в социальных сетях отличается от интимности офлайн. Она выделяет три основных подхода к данной проблеме – концепции сетевой публики (networked publics), сетевого Я (networked self) и сетевого индивидуализма (networked individualism). Концепция сетевой публики Д. Бойд предполагает, что характер коммуникации в социальных сетях частично определяется пользователями и частично – платформами [Boyd, 2010]. Основными чертами таких взаимодействий являются размывание границ между приватным и публичным, невидимость аудитории и социальная конвергенция (т.е. сближение индивидов и групп из разных социальных страт, которые офлайн обычно не контактируют между собой). Концепция сетевого Я З. Папахарисси описывает то, как публичная демонстрация социальных интеракций содействует конструированию идентичности индивида онлайн [Papacharissi, 2010]. Согласно Папахарисси, индивид может состоять в нескольких различных сообществах и проявлять разную степень интимности в каждом из них. Авторы концепции сетевого индивидуализма, Л. Рейни и Б. Веллман, также подчеркивают гибкость интеракций в социальных сетях [Rainie, Wellman, 2012]. Утверждая, что цифровая эпоха меняет социальное как таковое, они исследуют новый тип «социальной операционной системы» (в их терминах), состоящей из

фрагментированных сообществ в Интернете и придающей новый импульс развитию в том числе и традиционных сообществ вроде семьи или соседской общины.

Первым методологическим вопросом, которым задалась Мигель, был вопрос о взаимоотношениях терминов «приватность» и «интимность», поскольку, по ее словам, некоторые авторы рассматривают их как взаимозаменяемые. Хотя подобным образом их использовали и многие ее респонденты, ей все же удалось вычлнить специфические значения, которыми участники наделяли слово «приватность». Согласно выводам исследовательницы, приватность относится к контролю над личной информацией (конфиденциальность) или к физическому доступу к человеку. Также она означает пространство, в котором люди могут строить личные отношения отдельно от других, на основании ограниченного доступа и доверия по отношению к тем, для кого доступ открыт. Многие видели в приватности антоним публичности. Со своей стороны, интимность определялась как ощущение близости в личных отношениях, возникающее благодаря обмену мыслями и чувствами. Интимность в значительной степени взаимна и имеет несколько измерений – эмоциональное, информационное и физическое (которые, конечно же, могут быть и взаимосвязаны). Традиционно интимность проявлялась в приватном пространстве. Тем не менее сейчас она может иметь место и в публичных сферах (примеры: реалити-шоу, вебкам-моделинг, «выкладывание» разнообразной личной информации в соцсетях). Большинство респондентов Мигель считали интимными (и, соответственно, не подлежащими публикации в Интернете) следующую информацию и контент: сексуальная ориентация, статус отношений, политические и религиозные взгляды, употребление алкоголя, материалы сексуального характера, эмоции. Тем не менее решение об обнародовании той или иной информации является контекстуальным и может варьироваться от сайта к сайту. Так, поскольку Vadoo – это сайт знакомств, предоставление сведений о сексуальной ориентации является обязательным при регистрации, да и в противном случае пользователи просто не смогут найти подходящего (сексуального) партнера. В то же время на сайтах Facebook и CouchSurfing данная информация является дополнительной, так что от ее предоставления можно воздержаться. Это особенно актуально для ЛГБТ-

пользователей, потому что, в частности в «Фейсбуке», подобные сведения могут стать достоянием нежелательной аудитории (родственников, коллег и пр.)

Особым фокусом настоящего исследования были новые интимные отношения в социальных сетях. Как отмечают многие авторы, завязывание новых отношений в Интернете по-прежнему стигматизировано: считается, что пользователей, прибегающих к такому способу знакомств, интересует только секс, либо им недостает социальных навыков для поиска партнера офлайн, или же они просто отчаялись. Респонденты Мигель в большинстве своем относились к онлайн-знакомствам без предубеждения, однако они рассказывали о случаях (известных им со слов других или произошедших с ними самими) предоставления пользователями ложной информации о себе, фейковых аккаунтах, домогательствах, ограблениях, краже личных данных – в результате некоторые респонденты, по их собственному утверждению, стали проявлять повышенную осторожность, знакомясь в социальных сетях. Об использовании их личной информации интернет-сайтами в коммерческих целях пользователям, по их словам, было известно; некоторые заявляли, что и собственную самопрезентацию рассматривают как бизнес-проект, ведь чем выгоднее себя представишь (благодаря качественным фотографиям и текстам), тем больше стоящих кандидатов привлечешь. По результатам своего исследования К. Мигель делает вывод о том, что индивиды воспроизводят онлайн привычные стратегии знакомств и традиционные гендерные роли. По ее мнению, сайты вроде Vadoo или CouchSurfing не произвели революцию в интимных (дружеских, романтических, сексуальных) практиках – они просто предоставили людям новые инструменты для их осуществления.

Социальные связи в Интернете сейчас составляют социальный капитал индивидов вкуче со связями офлайн. Алекс Ламберт (Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия) исследует то, как на обмен социальным капиталом в «Фейсбуке» влияют такие факторы, как мобильность, социальный надзор и нормы публичной интимности [Lambert, 2016]. Распоряжение интимностью в социальных сетях требует определенного набора цифровых умений и социальных навыков, что позволяет Ламберту говорить об «интимном капитале», неравномерно распределяющемся в обществе.

При этом он рассматривает данные явления как социальные феномены, в противовес большому корпусу появившейся в последнее время литературы, связывающей накопление социального капитала в «Фейсбуке» с определенными психологическими чертами и диспозициями.

Как известно, П. Бурдьё писал о четырех типах капитала – экономическом, социальном, культурном и символическом [Bourdieu, 1986]. Социальный капитал подразумевает ресурсы, доступные благодаря принадлежности к той или иной социальной группе. Впоследствии разные авторы расширили концепцию Бурдьё. Так, теоретик социальной мобильности Дж. Коулман полагал, что в маргинализированных группах нужно способствовать формированию социального капитала, чтобы они могли преодолеть ограничения своего окружения [Coleman, 1988]. Р. Патнэм, видевший в социальном капитале основу существования сообщества, подразделил его на два вида – «связывающий» и «наводящий мосты» [Putnam, 2000]. Первый подразумевает ресурсы, обеспечиваемые сильными связями (вроде личной поддержки), и порождает ощущение интимности, солидарность и антагонизм по отношению к членам аут-группы. Второй касается ресурсов, исходящих от слабых связей (например, информации о событиях в мире), и способствует появлению чувства принадлежности к большой общности. Патнэм с сожалением отмечает упадок второго типа социального капитала в современной Америке, ведь именно он обеспечивает доверие в обществе и коллективные нормы. Тем не менее его работы вдохновили многочисленных авторов, пишущих о влиянии социального капитала как на устойчивость сообществ, так и на индивидуальное психическое здоровье и благополучие [Lambert, 2016, p. 2561–2562]. Многие работы также изучают, способствует ли «Фейсбук» накоплению социального капитала, однако, как утверждает Ламберт, большинство этих исследований оценивают связь между использованием данной социальной сетью и такими психологическими категориями, как самооценка (и ее потенциальное повышение), самоэффективность, самосознание, одиночество, интроверсия, экстраверсия, нарциссизм и пр. Он же ставит перед собой задачу исследовать то, как пользователи обмениваются социальным капиталом (динамический аспект), и то, как интимность продуцируется в социальных интеракциях в «Фейсбуке».

В 2010–2012 гг. автор провел качественное исследование практик дружбы в «Фейсбуке». Посредством объявлений на территории кампуса одного из австралийских университетов и университетских интернет-рассылок было найдено шесть респондентов – три женщины в возрасте от 21 до 25 лет и трое мужчин 31–47 лет; все – образованные представители среднего класса, бывавшие за границей. Участники добавили исследователя в друзья; в течение 12 недель он наблюдал за их действиями в сети, а затем провел с ними серию глубоких интервью.

В «Фейсбуке» участники видят, прежде всего, пространство для общения с друзьями. Обмениваясь контентом, имеющим ценность именно для них, они подтверждают свою близость. Автор выделяет три наиболее важных, с его точки зрения, аспекта обмена в «Фейсбуке»: мобильные истории дружбы; нормы, определяющие публичную интимность; социотехнические системы социального надзора. Первый аспект находит отражение в том, что пользователи состоят в разнообразных гетерогенных взаимоотношениях, завязавшихся в различных социальных контекстах (школа, университет, прошлые места работы, туристические и профессиональные поездки за границу). Некоторые из этих связей со временем ослабевают, другие вновь укрепляются. Иногда заявку в друзья подают исключительно для того, чтобы сохранить чувство «связи», «сообщества»; такая дружба не претендует на особую близость. За некоторыми друзьями просто следят, тесно с ними не общаясь. Если друг превратился в «мертвый груз», его можно удалить из друзей. Относительно публичной интимности участники полагают, что многие ее проявления являются излишними. Им неприятна чрезмерная эмоциональность (в частности, в разворачивающемся у всех на глазах общении влюбленных парочек), а также публикации о банальных повседневных событиях, которые, по их мнению, не представляют интереса для большинства подписчиков. Частные переживания, особенно негативные, отвергаются; приоритет же отдается постам и обсуждениям ненавязчивым, остроумным, оригинальным. В поддержании приемлемых для большинства норм публичной интимности Ламберт видит важную форму социального труда, требующую наличия определенных культурных компетенций. Социальный надзор включает в себя алгоритмы контроля, применяемые в «Фейсбуке», – такие как новостная лента, уведом-

ления, поиск, настройки конфиденциальности и в целом то, как посетители пользуются навигацией по сайту. Близким друзьям в любом случае из различных источников известно, что происходит в жизни друг друга, однако «Фейсбук» предоставляет информацию о слабых связях, которую было бы сложно получить в иных социальных контекстах. В связи с этим некоторые пользователи оказываются в ситуации своего рода моральной неопределенности, поскольку не уверены, имеют ли право на обладание информацией, которую такой «друг» сам бы им не сообщил. Некоторые в этом случае фильтруют ленту, чтобы ограничить список тех, чьи публикации они желают видеть. Это, по словам автора, опрокидывает традиционные вуайеристские властные отношения, ведь здесь уже невидимый наблюдатель испытывает неуверенность. Ламберт предлагает термин «интимный капитал», описывающий компетенции, необходимые для распоряжения интимностью в «Фейсбуке», и в частности подсказывающие индивиду, какими социальными ресурсами можно обмениваться в публичном пространстве сети. Соответственно, индивид, не способный провести границу между приватным и публичным, не накопил достаточно интимного капитала. В дальнейшем А. Ламберт предполагает ответить на следующие вопросы. Как интимный капитал соотносится с более широкими социокультурными структурами? Какие формальные и неформальные дисциплинарные режимы вовлечены в воспроизводство этого капитала? Какие формы данный капитал принимает в разных культурах? И какие технологические парадигмы в этом задействованы?

В большей мере, нежели для других возрастных групп, интимные практики в Интернете служат источником социального капитала для подростков. Взрослые нередко уверены, отмечают канадские исследователи Клер Баллей и Сами Колль (Университет Квебека в Монреале), что молодые люди не заботятся о сохранении тайны своей частной жизни, однако было показано, что именно пользователи 14–17 лет чаще других обновляют настройки конфиденциальности, при этом они умело обращаются со своей приватностью для повышения социального престижа среди сверстников [Balleys, Coll, 2017]. В 2010 г. Марк Цукерберг объявил конец приватности; впоследствии он взял обратно свои слова и не раз подчеркивал важность ее защиты в Интернете. Баллей и

Колль в своей статье рассматривают приватность не как сферу, которую необходимо очерчивать и охранять, а как отношения между людьми в обществе, в котором есть право на интимность. Здесь, полагают они, нужно иметь в виду две особенности взаимоотношений подростков. Во-первых, они общаются в основном со знакомыми, и, во-вторых, их социальный капитал основывается не на слабых, как у взрослых, а на сильных связях, поэтому дружеские и романтические отношения позволяют им подняться по подростковой социальной лестнице (движение по которой обычно не совпадает с достижением академических успехов).

Свое эмпирическое исследование авторы проводили в 2012–2013 гг. на материале швейцарских аккаунтов на сайтах Facebook и Ask.fm (популярный среди швейцарских подростков сайт, позволяющий открыто или анонимно задавать вопросы другим пользователям). На сайте Ask.fm вопросы и ответы видны всем зарегистрированным пользователям. В «Фейсбуке» исследователями был создан аккаунт «друга друга», что открыло доступ в том числе к аккаунтам, закрытым для всех, за исключением друзей и друзей друзей. В течение полутора лет четыре часа в неделю Баллей и Колль, чья активность ограничивалась наблюдением, осуществляли мониторинг аккаунтов 14–17-летних подростков.

Это эмпирическое исследование позволило авторам понять следующее. Отношения пары, не существующей в социальных сетях, не могут считаться серьезными, а друг, с которым ты не в друзьях в «Фейсбуке», не настоящий друг. Дружеские и романтические отношения, служащие свидетельством зрелости и независимости от родителей, должны охраняться от взрослых, но при этом должны развиваться на глазах у сверстников. Семья дана человеку по факту рождения, а интимные – эксклюзивные – отношения с другими индивидами, не являющимися его родственниками, он строит сам, и это выбор и достижение. Интимные отношения подростков Баллей и Колль отождествляют с отношениями внутри тайного общества, по Г. Зиммелю [Simmel, 1950]. Для завоевания авторитета член подобного общества должен раскрыть достаточно информации, чтобы доказать причастность к тайне, но не слишком много, дабы не раскрыть саму тайну. И подростки, утверждают авторы, в силу лучшего знания технологии балансируют на этой грани гораздо лучше взрослых. Таким образом, их

поведение в социальных сетях можно описать как «публичную интимность». Они выстраивают иерархию пользователей в зависимости от того, какими сведениями и в каком объеме они готовы с теми поделиться. В частности, как исследователи поняли по характеру разговоров на сайте Ask.fm, и здесь, несмотря на практику анонимных вопросов, подростки знакомы с собеседниками, и диалоги представляют собой тонкую игру, сочетающую раскрытие и сокрытие данных, прежде всего, о своих симпатиях и антипатиях.

В «Фейсбуке» информацией можно делиться на стене, представляющей собой общедоступное пространство, и в мессенджере, используемом как пространство для эксклюзивного общения. У подростков в данном исследовании было от 500 до 5000 друзей, так что стена служила сценой, где они представляли себя воображаемой аудитории, тогда как мессенджер можно сравнить с кулисами. Авторы приводят в пример статус на стене 15-летней девушки, в котором она «сожалеет обо всем и скучает по нему» и который потенциально могли увидеть 2970 друзей. 30 друзей поставили лайк; комментарии содержали вопросы и предположения относительно личности молодого человека. Близких друзей девушка приглашает в «Мессенджер», а также в Viber, где они могли бы обсудить все лично, тогда как другие этого права лишены и им остается теряться в догадках. Таким образом, она придает ценность собственной приватности двумя путями – повышая свой престиж за счет упоминания романтических отношений, в которых недавно состояла, и помечая территорию своих привязанностей. Еще один способ демонстрации интимности личных отношений – публикация скриншота с мобильного телефона. Проговорив со своим молодым человеком более 11 часов, девушка, прежде чем попрощаться, фиксирует этот факт. Пост со скриншотом получил 22 лайка и одобрительные комментарии друзей, признавших подлинность отношений пары. Близкая дружба также высоко ценится, хотя и несколько ниже, чем романтические отношения. Друзья в своем общении на глазах тысяч пользователей намекают на наличие секретов, известных только им, обмениваются понятными лишь им шутками, позволяют друг другу обращаться к себе нарочито грубо, что в данном случае указывает на близость и было бы недопустимо во взаимоотношениях с другими людьми. Один из них может, не спрашивая у другого разрешения, разместить в от-

крытом доступе их частный разговор в одном из мессенджеров и с большой вероятностью будет прощен, в том числе потому, что это служит свидетельством их близких – престижных – отношений. В продолжение данного исследования К. Робардс и С. Линкольн предлагают обратить более пристальное внимание на подростков, у которых существенно меньше или практически нет друзей в социальных сетях и которые, соответственно, лишены данного способа накопления социального капитала.

Брейди Робардс (Университет Тасмании, г. Лонсестон, Австралия) и Шан Линкольн (Ливерпульский университет им. Дж. Мура, Великобритания) изучают, как в «Фейсбуке» развиваются романтические отношения молодежи старше 20 лет [Robards, Lincoln, 2016]. Разные авторы указывали на тот факт, что «Фейсбук» поощряет людей в их желании делиться частной информацией и личными переживаниями, так что стена многих из полутора миллиардов пользователей по всему миру превратилась в архив личного повседневного опыта [ibid., p. 1–2]. Важной его составляющей являются романтические отношения. При этом приоритет негласно отдается длительным моногамным отношениям, поскольку у пользователей есть возможность не только сообщить статус своих отношений, но и связать свои аккаунты, а затем опубликовать новости о своей паре, загружая совместные селфи и отмечая друг друга в постах и на фотографиях.

Социальные сети, отмечают Робардс и Линкольн, играют ключевую роль в понимании современных романтических отношений. Сообщение о том или ином событии в социальной сети придает ему больший драматизм. И для многих пар официальный статус «в отношениях» в «Фейсбуке» («going Facebook official»), который превратился, по словам авторов статьи, в ведущую интернет-платформу, где разыгрываются романтические отношения, становится важной жизненной вехой; для молодых пользователей это может быть связано в том числе со взрослением. Робардс и Линкольн провели исследование с участием 23 молодых людей (средний возраст – 22,1), являющихся пользователями «Фейсбука» в течение не менее пяти лет и отобранных методом снежного кома. В рамках проекта участники просматривали свою хронику, комментировали и обсуждали с исследователями те или иные жизненные эпизоды и свои эмоции по их поводу. В итоге Робардс и Лин-

колынь вычленили четыре типа развития романтических отношений в социальной сети, что, прежде всего, касается стратегий раскрытия / сокрытия пользователями информации касательно их отношений.

Тип 1: явное раскрытие. Нынешние отношения 20-летнего австралийца Митча начались четыре года назад, и его профиль отражает то, насколько они для него важны. Они и его девушка быстро сменили статус на «в отношениях». На протяжении всех четырех лет практически все его фото профиля – это их совместные фотографии. Кроме того, Митч удалил многие старые фотографии, сделанные до знакомства с его девушкой, потому что, как ему представляется, они не отражали его нынешнюю личность. До того как 20-летний британец Луис указал, что состоит в отношениях, его страница в основном была посвящена рекламе его музыкальных групп. Новый статус получил больше лайков и комментариев, нежели все его предыдущие посты, после чего фотографии с его девушкой заняли свое место в его интернет-пространстве.

Тип 2: неявное («shadowed») раскрытие. 22-летняя британка Тина рассталась со своей девушкой Бек полгода назад, но они по-прежнему в друзьях в «Фейсбуке», чтобы, по словам Тины, не создавать излишнюю драму. В свое время при смене статуса на «в отношениях» Тина указала Бек в качестве своего партнера, а же этого не сделала. Тем самым первая девушка предпочла явное, а вторая – неявное раскрытие. После расставания Тина предприняла несколько шагов, чтобы постепенно выйти из отношений не только офлайн, но и в Интернете, в частности сначала скрыла свой статус, затем разорвала связь между аккаунтами и, наконец, удалила статус «в отношениях» окончательно. Так она вновь приняла свое «одинокое Я». Марк, 22-летний британский трансгендер и ЛГБТ-активист, не видит оснований для того, чтобы скрывать свои отношения, однако консервативная семья его девушки не одобряет ее выбор, поэтому, публикуя их совместные фотографии, он не раскрывает ее личность и не отмечает ее на них.

Тип 3: отсутствие каких-либо признаков отношений. 27-летний британец Натан публиковал на своей странице исключительно информацию о спорте, включая спортивные события, которые он посетил, избегая каких-либо иных публикаций. Не указал он и статус своих отношений, в отличие от его девушки, которая

стремилась сделать их отношения публичными. Среди прочего она отметила его на всех совместных фотографиях – он удалил отметки, что повторялось несколько раз, пока он не сдался, чтобы положить конец спору. Роберт, живущий в Австралии 25-летний выходец из Гонконга, не смог признаться семье в своей гомосексуальности, и на его странице в «Фейсбуке» отсутствует какая-либо информация о его отношениях, но его партнер принимает эту ситуацию.

Тип 4: удаление и ревизия. Окончание «официальных», взаимно признанных отношений становится серьезным, подчас непростым шагом. 27-летняя австралийка Мэри удалила из друзей своего бывшего молодого человека, как не сохранила и большинство их совместных фотографий. Расставание стало тяжелым периодом ее жизни, и она даже подумывала о том, чтобы удалить свой аккаунт, но не захотела стирать остальные воспоминания. Тем не менее ее нынешний молодой человек обнаружил оставшиеся фотографии, и ей пришлось «подчищать» свое прошлое (что авторы называют «архивной версией Мэри»), уничтожая следы, остающиеся в Интернете после окончания отношений офлайн. 23-летний британец Али решил, что в будущем его отношения будут существовать только офлайн, после того как его прошлые бурные отношения в течение пяти лет развивались в сети. Его девушка пыталась контролировать все его действия и связи. Притом что, расставшись, они перестали быть друзьями в «Фейсбуке», она продолжала наблюдать за его жизнью, используя аккаунт матери. Так что отношения онлайн может быть трудно покинуть даже после фактического расставания.

Особым аспектом интимности в Интернете является публикация онлайн своих изображений, а именно селфи, определяемых как «фотография себя, обычно сделанная с помощью смартфона или веб-камеры и размещенная в социальных сетях»¹. Испанские исследователи Бегония Энгикс и Эрик Гомес-Нарваэс (Открытый университет Каталонии, г. Барселона) прослеживают трансформации визуальных интимных практик на материале селфи, изображающих мужские тела, в приложениях Grindr и Instagram [Enguix, Gómez-Narváez, 2018]. В селфи они видят дискурсивный медиум,

---

¹ Selfie. – Mode of access: <https://www.lexico.com/definition/selfie> (Accessed: 27.08.2020.)

который помещает тело пользователя на пересечение публичного и приватного / интимного и отражает активное продуцирование себя (включающее самосознание, заботу о себе и пр.). Авторы подчеркивают, что подобные фотографии – это нечто большее, чем нарциссическое или фривольное выставление себя напоказ, как их подчас воспринимают. Сложные взаимоотношения между видимостью (visibility) и интимностью высвечиваются в высказывании респондентки в исследовании К. Тиденберг и Э. Гомеса Крусса [Tiidenberg, Gomez Cruz, 2015] – по ее словам, рассматривая ее фотографии, мужчины-пользователи чувствуют, что близко с ней знакомы, и при первой личной встрече готовы перейти к следующему этапу отношений, однако, на ее взгляд, это ложное ощущение интимности. При этом за счет возможности комментировать и отмечать пользователей на фотографиях состояние, когда тебя разглядывают, перестает быть пассивным состоянием. Эта демонстрация себя, этот спектакль (в терминах Г. Дебора [Debord, 2010]) может обернуться как эмпауэрментом (признанием, ощущением агентности, субъективацией, телесной либерализацией), так и его противоположностью (контролем, стигмой, объективацией), а чаще их переплетением. Приложения Grindr и Instagram авторы рассматривают как рамки, в которых разворачиваются данные процессы. В первом случае пользователи продуцируют образы мужских тел для мужского взгляда, во втором – для широкой аудитории. Самым востребованным в гегемонной маскулинности является спорносексуальное (spornosexual – от англ. sport+porn+sexual) тело, под чем понимается тело спортивное – одновременно рельефное и поджарое, – при этом характерное для стриптизеров, порнозвезд и вебкам-моделей. И это находит отражение в обоих приложениях, в том числе в Grindr, ориентированном на гомосексуальную аудиторию. Еще в 1970-е – начале 1980-х годов получил развитие тренд, противостоявший традиционному восприятию геев как феминизированных мужчин; наиболее яркими его воплощениями явились гей-мачо и «медвежьи субкультуры» (берущие свое начало от зародившегося в Сан-Франциско сообщества гомосексуалов плотного / спортивного телосложения, многие из которых делали акцент на мужских половых признаках – волосах на лице и теле – и внешне не отличались от гетеросексуалов).

Общие правила пользования данными приложениями следующие. Instagram рассчитан на всех пользователей старше 13 лет. В нем разрешена публикация оригинального контента (не копий) и запрещено размещение изображений обнаженных людей любого возраста, а также материалов сексуального характера. Grindr представляет собой сайт знакомств для людей гомосексуальной ориентации. В отличие от Instagram, где на соответствие правилам проверяются уже опубликованные фотографии, здесь изображения проходят премодерацию. Под запретом находятся изображения людей моложе 18 лет и определенная часть сексуального контента (например, пропаганда незащищенного секса). На фотографиях в нижнем белье должно быть видно лицо пользователя. Энгикс и Гомес-Нарваэс изучали селфи, хештеги, описания и комментарии. Все изображения они подразделили на три группы: гегемонные (спорносексуальные) тела; антигегемонные (resistant) – трансгендерные – тела; небинарные (т.е. не поддающиеся бинарной классификации, non-binary) тела – сюда относятся селфи людей с агендерной и изменчивой гендерной и трансгендерной идентичностью (agender, gender fluid, transgender fluid). С выбранными пользователями (все, за исключением одного, отнесенного к первому типу, были набраны из Instagram) были проведены интервью. В этих беседах многие респонденты отмечали, что то, какими они предстают в приложении, – это образ, рожденный на стыке их собственных стремлений, (предполагаемых) желаний других пользователей и условий приложения; демонстрируя свои тела (т.е., казалось бы, нечто интимное), они тем не менее могут скрывать что-то иное, например свой характер (иначе говоря, другую сторону интимности). Спорносексуалы, чьи изображения в обоих приложениях встречаются чаще всего, уделяют как можно больше внимания свету и другим техническим аспектам, чтобы фото получилось как можно лучше. Помимо этого, они демонстрируют больше обнаженного тела, чем другие пользователи, – фотографии некоторых респондентов периодически оказываются под запретом. Трансгендеры в основном показывают верхнюю часть тела и стремятся сделать акцент на своей трансформации. Пользователи, которые были отнесены к третьему типу, акцентируют андрогинность либо то маскулинность, то феминность (макияж, женская одежда) в зависимости от настроения и других обстоятельств; кроме того, это

самые молодые пользователи, и среди них немало поклонников аниме и косплея, что также отражается в их селфи. При этом Б. Энгикс и Э. Гомес-Нарваэс полагают, что эти новые гендерные идентичности могут легко коммодифицироваться – в частности, они уже завоевывают популярность в моде и поп-культуре. Материалы, положенные в основу данного обзора, в целом прослеживают, как нормализуются и становятся частью культуры новые феномены, в частности сопряженные с использованием Интернета, а технологии, особенно близкие отдельным индивидам и группам – в силу возраста (молодежь) и / или профессиональных и досуговых интересов (IT-специалисты, геймеры, хакеры и пр.), – адаптируются остальным обществом.

Список литературы

Balleys C., Coll S. Being publicly intimate: teenagers managing online privacy // Media, culture a. society. – 2017. – Vol. 39, N 6. – P. 885–901.

Bauman Z. Liquid love: on the frailty of human bonds. – Cambridge: Polity press, 2003. – XIII, 162 p.

Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / ed. by J.G. Richardson. – N.Y.: Greenwood, 1986. – P. 241–258.

Boyd D. Social network sites as networked publics: affordances, dynamics and implications // A networked self: identity, community and culture on social network sites / ed. by Z. Papacharissi. – L.: Routledge, 2010. – P. 39–58.

Castells M. The network society: a cross-cultural perspective. – Northampton: Edward Elgar, 2004. – XX, 464 p.

Coleman J. Social capital in the creation of human capital // American j. of sociology. – 1988. – Vol. 94, Suppl.: Organizations and institutions: sociological and economic approaches to the analysis of social structure. – P. S95–S120.

Debord G. Society of the spectacle. – Detroit (MI): Black & Red, 2010. – 119 p.

Enguix B., Gómez-Narváez E. Masculine bodies, selfies and the (re)configurations of intimacy // Men a. masculinities. – 2018. – Vol. 21, N 1. – P. 112–130.

Haraway D. Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan©Meets_OncoMouse™: feminism and technoscience. – N.Y.: Routledge, 1997. – XI, 361 p.

Lambert A. Intimacy and social capital on Facebook: beyond the psychological perspective // New media a. society. – 2016. – Vol. 18, N 11. – P. 2559–2575.

Miguel C. Personal relationships and intimacy in the age of social media. – L.: Palgrave Macmillan, 2018. – XI, 133 p.

Papacharissi Z. A private sphere: democracy in a digital age. – Cambridge (MA): Polity press, 2010. – 210 p.

Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. – N.Y.: Simon & Schuster, 2000. – 541 p.

Rainie H., Wellman B. Networked: the new social operating system. – Cambridge (MA): MIT press, 2012. – XIII, 358 p.

Robards B., Lincoln S. Making it «Facebook official»: reflecting on romantic relationships through sustained Facebook use // *Social media + society*. – 2016. – Oct-Dec. – P. 1–10.

Simmel G. The secret and the secret society // *Simmel G. The sociology of Georg Simmel* / ed. by K.H. Wolff. – Glencoe (IL): Free press, 1950. – P. 305–376. – 1st ed. 1908.

Tiidenberg K., Gómez Cruz E. Selfies, image and the re-making of the body // *Body a. society*. – 2015. – Vol. 21, N 4. – P. 77–102.

Van Dijck J. Users like you? Theorizing agency in user-generated content // *Media, culture a. society*. – 2009. – Vol. 3, N 1. – P. 41–58.

УДК 316.367

2020.04.004. ДОЛГОВ А.Ю. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ДВОЕ В ОБЩЕСТВЕ: ИНТИМНАЯ ПАРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ / ИЛЬИН В.И., АФАНАСЬЕВА Ю.А., БАШМАКОВА М.А., ЕВДОКИМОВА А.А., ОРЛОВСКАЯ А.В., РОМАНЕНКО С.А., СКИДАНОВА О.А., СЫРБО А.В. – М.: ВЦИОМ, 2020. – 640 с.

DOLGOV A.Yu. Book review: Two in society: an intimate couple in the modern world. DOI: 10.31249/rsoc/2020.04.04

Аннотация. В книге, подготовленной под руководством профессора СПбГУ Владимира Ильина, описывается жизнь неформальной интимной пары. Эмпирические данные для исследования собирались и анализировались в течение 10 лет. Авторы рассматривают основные этапы, через которые проходят интимные пары, анализируют формы интимных пар, а также факторы, влияющие на то, как партнеры ведут себя и какие жизненные стратегии они выбирают.

Abstract. The book, prepared under the direction of Professor Vladimir Ilyin from St. Petersburg State University, describes the life of an informal intimate couple. The empirical data for the study were collected and analysed over the course of 10 years. The authors consider the main stages which intimate couples go through, study forms of intimate couples and the factors that affect the partners' behaviour and the life strategies they choose.